

Сулов Алексей Юрьевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Казанского национального исследовательского
технологического университета
dom-hors@mail.ru

**СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
РОССИЙСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ:
ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Аннотация:

В статье рассматриваются современные теоретико-методологические подходы к изучению историографии российских социалистических партий – социалистов-революционеров и социал-демократов. Особое внимание обращается на понимание термина «историография», характерные черты советской и постсоветской исторической науки, категории дискурса, интеллектуальной истории и исторической памяти.

Ключевые слова:

историография, социалистические партии, интеллектуальная история, историческая память.

Suslov Aleksey Yurievich

PhD in History,
Assistant Professor of the Department
for the Humanities,
Kazan National Research Technological University
dom-hors@mail.ru

**CONTEMPORARY
HISTORIOGRAPHY OF
THE RUSSIAN SOCIALIST PARTIES:
THEORETICAL
AND METHODOLOGICAL ASPECTS**

The summary:

The article reviews contemporary theoretical and methodological approaches to the historiography of the Russian socialist parties: Socialist Revolutionary and Social Democrats. The author deals with the interpretation of the “historiography” term, specific features of the Soviet and post-Soviet historical science, discourse category, intellectual history, and historical memory.

Keywords:

historiography, socialist parties, intellectual history, historical memory.

Модернизация России в начале XX века была связана с выбором одной из возможных моделей общественного развития: либеральной или социалистической. Однако выбор склонялся в пользу социалистического пути. Либеральная и консервативная альтернативы революции были утопичными. Социалистические идеи в первой четверти XX века в России были гораздо более популярны, о чем свидетельствует количество членов социалистических партий и итоги выборов во всероссийское Учредительное собрание в 1917 г., наиболее свободного и демократичного голосования. В 1917 г. основные разногласия были не между социализмом и либерализмом, а внутри самого социализма – между его революционным и эволюционным течениями. Социалистические лозунги проникли в общественное сознание в России глубже, чем в других странах.

Интерес к социалистическим партиям вызван не только их ролью в общественно-политической борьбе и одного из главных противников большевизма, но и в контексте предлагаемых альтернатив в выборе путей развития страны. История социалистических партий может рассматриваться как маркер возможности исторической альтернативы в XX в.

Выявление и анализ системы исследовательских представлений, формировавшихся и сложившихся в среде отечественных ученых в ходе изучения истории социалистических партий России после октября 1917 г. требует определения предметного поля историографии. Историк, как подчеркивают современные исследователи, должен демонстрировать не только профессиональную культуру, но и иметь собственную исследовательскую стратегию [1, с. 269], что невозможно без четкого представления о предмете своей науки.

Последние десятилетия характеризуются напряженным интеллектуальным поиском историков в сфере природы, особенностей и возможностей своей науки. Более того,

ряд исследователей описывают современную историографическую ситуацию как «историографическую революцию», основными чертами которой являются, с одной стороны, возрастание интереса к теоретико-методологическим проблемам исторической науки», а с другой – демонстративный «методологический нигилизм» довольно значительной части профессиональных историков.

Как подчеркивают авторы учебного пособия для вузов по истории исторического знания, в системе современных представлений о его задачах и функциях «на второй план отходит так называемая проблемная историография, акцент переносится на изучение функционирования и трансформации исторического знания в социокультурном контексте» [2, с. 3].

Сформировалось несколько тенденций относительно понимания предмета историографии. А.В. Клименко, автор соответствующего раздела в учебнике по историографии истории России до 1917 года, отмечает, что «большинство современных историографов в вопросе об определении предмета собственной науки разделяют позицию, в наиболее полном виде сформулированную в трудах А.М. Сахарова» [3, с. 16]. Под историей исторической науки в данном случае понимается процесс развития исторической науки и всех ее подсистем, а под историографией – научную дисциплину, изучающую этот процесс. Таким образом, историографией в широком смысле называют специальную историческую дисциплину, которая изучает процесс развития исторической науки и ее закономерности. Это традиционный для отечественной и российской науки (с XIX в., включая советскую эпоху) подход.

Как отмечает Т.А. Попова, с рубежа 1970–1980-х гг. эта модель получила определенную коррекцию с позиций системного подхода (И.Д. Ковальченко); была предложена экспликация понятий «историографические процессы», «историографическая ситуация» (Л.Е. Кертман), «проблемная историография», «история историографии» (Р.А. Киреева); историографы обратились к категориальному аппарату и исследовательским методикам науковедения (А.М. Сахаров, Д.П. Урсу, Г.П. Мягков, И.И. Колесник и др.) [4, с. 50]. К рубежу 1980–1990-х гг. историографию воспринимали как специальную дисциплину, изучающую закономерности развития исторических знаний и исторической науки (распространилась формула «история знания и исторической науки как социального института») в широком социокультурном контексте. Как уже отмечалось, данная традиция в «постсоветский» период в целом сохранилась.

Другой подход весьма ярко обозначен в серии работ известного отечественного историографа и методолога истории Л.П. Репиной. В них обосновывается мысль о превращении историографии в рамках «новой культурно-интеллектуальной истории» в самостоятельную и самоценную историческую дисциплину, которую сегодня, стремясь обозначить ее новое качество, именуют клиографией, а в сочетании с изучением методологических и эпистемологических проблем исторической науки – клиологией. Ее особым предметным полем становится «история историографии в человеческом измерении». По мысли Л.П. Репиной, «история историографии как часть интеллектуальной истории – это и не дисциплинарная история исторической науки, и не философская история исторической мысли, и тем более не вспомогательная проблемно-тематическая историография, а прежде всего история исторической культуры, история исторического познания, сознания и мышления – история исторических представлений и концепций, образов прошлого и «идей истории», задающих интерпретационные модели и выступающих как мощный фактор личностной и групповой идентичности, общественно-политических размежеваний и идеологической борьбы» [5, с. 44–45].

На наш взгляд, вполне возможно позиционировать историографию как интеллектуальную историю, изучающую процесс осмысления исторического прошлого в пространственно-временных системах и субъективно-личностных восприятиях: персоналии, их предмет изучения, эпистемы, технологии, научный инструментарий. Истории исторической науки присуща функция ретрансляции в концентрированном виде сгустков коллективной памяти об историческом прошлом, если подразумевается совокупный опыт осмысления «исторического», воссоздание образов этого прошлого, отраженного в теориях и концепциях, несущих на себе печать индивидуальности их создателей и «знаков» их времени.

В Советской России после октября 1917 г. исторические исследования были во многом подчинены обоснованию и реализации задач создания новой формы общественного развития. В силу этого советскую историографию политических партий нельзя рассматривать как чистую историю науки, но в то же время и только как атрибут идеологии. Это был сложный феномен в социальной структуре советского общества, сочетавший элементы научного знания наряду с функциями идеологического воздействия.

История социалистических партий является прекрасным примером для изучения парадоксов советской и постсоветской историографии. С одной стороны, она была типичной, так как отражала характерные ее черты; с другой – имела существенные отличия, так как переплеталась с историей большевистской (правящей) партии. К типичным чертам, многократно рассмотренным в работах самых разных авторов, можно отнести идеологизацию и политизацию исторической науки, априоризм, в силу которого факты подгонялись под заданные теорией схемы, ограниченность проблематики исследований. Содержание этих черт зависело, безусловно, от объекта, выбранного для изучения.

В этом плане историография социалистических партий, эсеров и меньшевиков, имела весьма яркую специфику. Все социалистические партии России (в том числе большевистская, правящая с октября 1917 г.) вышли из единого интеллектуального поля российской революционной традиции XIX в., испытали воздействие идей народничества и европейского социализма. Они были связаны базовыми ценностями, личными отношениями, обусловленными наличием общих целей и общего врага. Эти и другие факторы привели к формированию своеобразной субкультуры российского революционера рубежа XIX–XX вв. [6, с. 24–43]. Наличие этой субкультуры наложило отпечаток на историографию социалистических партий на всем протяжении ее развития.

Как работы эсеро-меньшевистских авторов, так и советские исследования формировались в результате исторической практики и политической культуры, корни которой далеко не обязательно датируются 1917 г. Безграничная вера в правоту своего учения была характерна и для большевиков, и для их оппонентов. С другой стороны, и до, и особенно после 1917 г. отчетливо ощущаются различия субкультур большевиков и их оппонентов – демократических социалистов. Водоразделом стало отношение к демократии, приведшее к расколу внутри всех российских социалистических партий. Правящая партия видела в социалистической оппозиции опасность куда более реальную, чем возрождение «белой альтернативы», поскольку имела основания бояться синтеза опыта революционных партий и недовольства различных слоев российского общества в 1921–1922 гг. Поэтому советская историография социалистических партий стала формироваться под огромным влиянием политической среды.

В то же время в ходе развития советской историографии под сомнение все более и более ставились (разумеется, неосознанно) основополагающие принципы советского образа природы и эволюции социалистических партий. Это достаточно хорошо заметно со второй половины 1960-х гг. и особенно в 1970-е гг., когда возглавляемый академиком И.И. Минцем Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великого Ок-

тября и последующих социалистических революций» обратился к тематике истории «не-пролетарских» партий России, в том числе партий социалистов-революционеров и меньшевиков. Целый ряд научных форумов (многие из них проводились в г. Калинин) был посвящен истории, историографии и источниковедению российской многопартийности в разные исторические периоды.

При сохранении стандартной советской риторики, включавшей обязательные «крах», «банкротство», «агонию» мелкобуржуазных партий, на этих конференциях, как отмечает В.П. Булдаков, развернулся фактический поиск альтернатив «руководящей роли КПСС» [7, с. 24–25]. Несмотря на искреннюю (у большинства советских историков) веру, что они ничуть не подрывают идеологические устои, а скорее укрепляют их, происходил обратный процесс. Именно наработки советских историков позволили уже в 1990-е гг. современным российским авторам – в сотрудничестве с зарубежными коллегами – развернуть обширные исследовательские программы по истории российской многопартийности.

Советская историографическая традиция вызывает разное отношение, безусловно связанное с оценкой событий 1917 г. и Октябрьской революции. Представление о советской историографии как о своеобразном научном феномене вошло в конце XX в. в общественное сознание. Безусловно, ее толкование как «научно-политического феномена», наиболее ярко обозначенного в известных работах Ю.Н. Афанасьева, имеет под собой серьезные основания [8, с. 11].

С другой стороны, советскую историографию нельзя сводить только к властно-политическим аспектам, особенно в период 1960–1980-х гг. В СССР всегда в той или иной форме действовали принципы «нормальной науки» (термин, введенный Т. Куном) применительно к деятельности научного сообщества, т. е. группы специалистов со сходной научной подготовкой и одинаковым пониманием целей и задач научной деятельности внутри определенной парадигмы со всеми плюсами и минусами. Нормальную науку, по Т. Куну, отличает невосприимчивость ко всему, что не соответствует господствующей научной парадигме, поэтому нормальная наука развивается в основном количественно, прирастая фактическим материалом, повышением его точности и распространением на все более широкие области бытия. Но «аномальные» факторы, не вписывающиеся в парадигму, накапливаясь, в конце концов подрывают и приводят к ее кризису, а затем и к формированию новой научной парадигмы [9]. В этой связи кажется удачной формулировка польского историка Г. Жалейко о том, что советская историография была нормальной наукой в «аварийных условиях» («abnormal conditions») [10, р. 179]. При том, что результаты исследований советских историков были предопределены господствовавшей марксистско-ленинской парадигмой, сами исследования проводились все-таки в соответствии с научными принципами. Следует признать внутреннюю интеллектуальную органичность советской историографии даже в том случае, когда создававшийся в ней образ российских социалистических партий имел, с современных позиций, мифический характер.

Существенной научной проблемой является анализ языка как советской, так и эсеро-меньшевистской историографии социалистических партий. Лингвистический поворот поставил в центр изучения дискурсивную практику историков. «Лингвистическим поворотом» называют тенденцию рассматривать исторические факты и их репрезентации субъектами истории и историками с точки зрения лингвистических «протоколов», которые в них отразились. В историографии (в первую очередь американской) такая тенденция распространилась в 1970-е гг. под влиянием постмодернистской литературной критики [11, с. 33].

На философском, эпистемологическом уровнях было выработано представление о тексте, о его читателе, об определенном типе культурной коммуникации и об общих свойствах литературно-художественных, научных, вербальных и даже невербальных текстов

вообще с данной точки зрения [12, с. 110]. В этом направлении первостепенное значение принадлежит понятию деконструкции как особому методу анализа текста. Исследование научных или философских текстов привело основателя деконструктивизма Ж. Деррида к убеждению в том, что в любом тексте присутствуют стереотипы, формальные клише, принимаемые как аксиомы, как некая данность. «Историки и хотели бы говорить буквально и ничего, кроме истины, не рассказывать об объекте своего исследования, – пишет Х. Уайт, – но невозможно повествовать, не прибегая к фигуративной речи и дискурсу, который по своему типу является скорее поэтическим (или риторическим), нежели буквалистским» [13, с. 13]. Можно констатировать, что лингвистический поворот ввел и обосновал идею конструирования фактов историком, закрепил релятивизм в историческом знании.

В этом плане советская историография социалистических партий весьма характерна. Начиная с работ В.И. Ленина, фиксируются речевые шаблоны по отношению к социалистам: *социал-предатели, социал-изменники, соглашатели, ренегаты, обнаглевшая шайка, слуги капитализма, лакеи буржуазии, прихвостни, Иуды* и т. п. Эти экспрессивные, эмоционально-насыщенные слова и выражения активно использовались в пропагандистской кампании, на многочисленных митингах, массовках, собраниях, агитационных пунктах. Понимание термина «социалисты-революционеры», «меньшевики» подменялось в рамках советской культуры привычкой использовать речевые шаблоны вплоть до начала 1990-х гг., а у определенной части историков – и по сей день. Яркий пример – книга В.А. Клименко «Москва: крах политики мелкобуржуазных демократов». Автор не в состоянии вырваться из советского клишированного языка: «социал-соглашатели», «социал-предатели», «эсеровские демагоги», «мелкобуржуазные контрреволюционеры» и др. [14, с. 8, 17, 22].

В текстах этих историков можно выявить некие постоянно воспроизводимые образцы или эталоны, в границах которых мы этот текст осмысливаем. В итоге структурными элементами текстов являются не исторические личности или события, а некое содержание образцов употребляемых слов, что хорошо заметно на примере термина «мелкобуржуазный».

Термин «мелкобуржуазный», регулярно использовавшийся в советской историографии, также активно внедрялся В.И. Лениным. В ленинской историко-философской системе категория «мелкобуржуазности» занимала важное место. К ней фактически он относил все, что не укладывалось в классическое марксистское определение буржуазии. Причем между понятием «мелкая буржуазия» и производным от него прилагательным «мелкобуржуазный» у Ленина имеется существенное различие. Если первое – суть политэкономический термин, то второе имело скорее социально-психологический подтекст [15, с. 57]. Термин «мелкобуржуазность» стал маркированным, эмоционально окрашенным, а его использование, наряду с другими, стало средством управления массовым сознанием.

С другой стороны, эсеро-меньшевистская публицистика, лозунги и резолюции, выдвигаемые на собраниях и митингах представителями ПСР и РСДРП отличались от большевистских, может быть, меньшей категоричностью и большей благозвучностью. Язык эсеровской, как и социал-демократической публицистики был близок большевистскому, что ограничивало возможности антибольшевистского сопротивления. В этом смысле лингвистический поворот показал, что существуют различные «языки» для суждений об исторической реальности. Значение слов в этих языках не всегда точно соответствует друг другу. Таким образом, представления о прошлом часто имеют своим происхождением не конкретные исторические факты, а язык, который использовался участниками событий или был предложен историком.

Важной теоретической проблемой современной интеллектуальной истории является обращение к феномену исторической памяти. Историческая память – не только один

из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях [16, с. 414]. Проблему исторической памяти (на примере Великой Отечественной войны) образно выразил писатель Д. Гранин в книге «Мой лейтенант», описывая выступление одного из участников обороны Ленинграда на собрании ветеранов: «Рассказ его получился для меня о совершенно незнакомой войне, где наш батальон действовал в той же самой местности, в те же месяцы. Там должен бы быть и я, но меня там не было» [17]. Это доказывает, что у разных людей и у разных социальных групп существует иной опыт, иная память о прошлом, в основе которой может лежать совсем иное мировоззрение.

Современная российская историографическая традиция в области изучения российской многопартийности представляет собой сложное и многоплановое явление, отражая общие проблемы отечественной науки. Большую позитивную роль сыграло преодоление национальных границ в историографии, доступность публикаций и исследований зарубежных ученых. Началось становление единого историографического пространства. Развиваются самые разные формы поддержки исторической науки, формируются элементы негосударственной научной институциональной структуры. Возникли разные гуманитарные среды, автономные и пересекающиеся, устроенные по принципу более-менее открытых профессиональных сообществ, в своей основе использующих клубную схему функционирования. Появились журналы, которые стали не просто коммуникационной средой, но и новыми формами научной жизни и новыми местами знания («Новое литературное обозрение», «Ab Imregio» и др.). Одним из важных центров гуманитарного пространства стал Интернет.

С другой стороны, сохраняется определенная преемственность, в том числе методологическая, с советской историографией. Внутренние ценности российской историографической культуры пока еще размыты, неотрефлексированы [18, с. 296–297]. Многие исследователи подчеркивают «институциональную слабость» современной российской исторической науки, отсутствие в полном смысле этого слова исторического сообщества, отсутствие дисциплины, отсутствие среды, которая критически воспринимает научную продукцию [19; 20]. «Архивная революция», публикация весьма обширной и добротной источниковой базы не привели сами по себе к созданию современного, конкурентного исторического сообщества.

История исторического знания, рассматриваемая нами в статье как интеллектуальная история, состоит, таким образом, из различных уровней, тесно взаимосвязанных. Исследование отечественной историографической традиции в сфере истории социалистических партий требует использования различных методов. Как подчеркивает Л.П. Репина, «в историографии допустимо не только сохранение и использование старых моделей, но и возрождение «хорошо забытых» интерпретаций, а также продолжительное полемическое соперничество старых подходов и концепций с новыми, как и поглощение первых последними» [21, с. 76–77]. Поэтому наряду с традиционными подходами, сформированными в предметных полях дисциплинарной истории, проблемно-тематической историографии и истории исторической мысли, необходимо разрабатывать историю исторической культуры, образов прошлого, проблем исторической памяти и исторического сознания, исследовательскую психологию и практику в широком интеллектуальном и

культурном контексте. Неразрывно связанными аспектами являются и идеологическая политика государства, задачи развития конкретных социальных систем. Ресурсы интеллектуальной истории позволяют дополнить историографическую традицию и сконцентрировать внимание не только на анализе учений и концепций, но и анализировать творческий процесс их создания и осмысления.

Ссылки:

1. Корзун В.П. Поиск образа историографии в современном интеллектуальном пространстве // Мир Клио : сб. ст. в честь Лорины Петровны Репиной. М., 2007. Т. 2. С. 266–278.
2. Репина Л.П. История исторического знания. М., 2006. 288 с.
3. Историография истории России до 1917 года : учеб. для высш. учеб. заведений. В 2 т. / под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2003. Т. 1. 384 с.
4. Попова Т.Н. Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса // Історіографічні дослідження в Україні. 2008. Вип. 19. С. 42–72.
5. Репина Л.П. Проблемное поле и когнитивный потенциал современного историографического исследования // Историки в поиске новых смыслов. Казань, 2003. С. 37–45.
6. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. 736 с.
7. Булдаков В.П. Историографический зигзаг эпохи застоя // Из архива тверских историков. Вып. 5. К 85-летию со дня рождения первого ректора Тверского государственного университета В.В. Комина. Тверь, 2005. С. 22–28.
8. Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 7–41.
9. Кун Т. Структура научных революций. М., 2001. 605 с.
10. Zalejko G. Soviet Historiography as a «normal Science» // Historiography between modernism and postmodernism / E.Topolsky ed. Rodopi, 1994. P. 179–191.
11. Копосов Н.Е. Замкнутая вселенная символов. К истории лингвистической парадигмы // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 33–47.
12. Медушевская, О.М. Теоретические проблемы источниковедения // Источниковедение. Теория. История. Метод. М., 1998. С. 99–121.
13. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. 528 с.
14. Клименко В.А. Москва: крах политики мелкобуржуазных демократов. 1918–1920 гг. М., 2010. 75 с.
15. Историческая наука в России в XX веке. М., 1997. 512 с.
16. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 560 с.
17. Литературная газета. 2012. № 4 (1–7 февраля).
18. Чеканцева З.А. Идентичность современного историка и ресурсы дисциплинарной рефлексии // Мир историка: историографический сборник. Вып. 6. Омск, 2010. С. 295–317.
19. Кикимбаева А.С. Интервью с Мариной Могильнер и Ильей Герасимовым 26 января 2009 года // Мир историка: историографический ежегодник. Вып. 5. Омск, 2009. С. 411–433.
20. Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобринина с Павлом Уваровым // Неприкосновенный запас. 2007. № 4. С. 54–72.
21. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. ...

References (transliterated):

1. Korzun V.P. Poisk obraza istoriografii v sovremennom intellektual'nom prostranstve // Mir Klio : sb. st. v chest' Loriny Petrovny Repinoy. M., 2007. Vol. 2. P. 266–278.
2. Repina L.P. Istoriya istoricheskogo znaniya. M., 2006. 288 p.
3. Istoriografiya istorii Rossii do 1917 goda : ucheb. dlya vyssh. ucheb. zavedeniy. In 2 vols. / ed. by M.Y. Lachaeva. M., 2003. Vol. 1. 384 p.
4. Popova T.N. Istoriografiya segodnya: tri shtrikha s rezyume k probleme institutsional'nogo krizisa // Історіографічні дослідження в Україні. 2008. Issue 19. P. 42–72.
5. Repina L.P. Problemnoe pole i kognitivniy potentsial sovremennogo istoriograficheskogo issledovaniya // Istoriki v poiske novykh smyslov. Kazan', 2003. P. 37–45.
6. Morozov K.N. Sudebnyi protsess sotsialistov-revolutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva. M., 2005. 736 p.
7. Buldakov V.P. Istoriograficheskiy zigzag epokhi zastoya // Iz arkhiva tverskikh istorikov. Issue 5. K 85-letiyu so dnya rozhdeniya pervogo rektora Tverskogo gosudarstvennogo universiteta V.V. Komina. Tver', 2005. P. 22–28.
8. Afanas'ev Y.N. Fenomen sovetskoy istoriografii // Sovetskaya istoriografiya. M., 1996. P. 7–41.
9. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsiy. M., 2001. 605 p.

10. Zalejko G. Soviet Historiography as a «normal Science» // *Historiography between modernism and postmodernism* / E. Topolsky ed. Rodopi, 1994. P. 179–191.
11. Koposov N.E. Zamknutaya vselennaya simbolov. K istorii lingvisticheskoy paradigmy // *Sotsiologicheskiy zhurnal*. 1997. № 4. P. 33–47.
12. Medushevskaya, O.M. Teoreticheskie problemy istochnikovedeniya // *Istochnikovedenie. Teoriya. Istoriya. Metod*. M., 1998. P. 99–121.
13. Uayt K. *Metaistoriya. Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka*. Ekaterinburg, 2002. 528 p.
14. Klimenko V.A. *Moskva: krakh politiki melkoburzhuznykh demokratov. 1918–1920 gg.* M., 2010. 75 p.
15. *Istoricheskaya nauka v Rossii v XX veke*. M., 1997. 512 p.
16. Repina L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nie teorii i istoriograficheskaya praktika*. M., 2011. 560 p.
17. *Literaturnaya gazeta*. 2012. № 4 (February 1–7).
18. Chekantseva Z.A. Identichnost' sovremennogo istorika i resursy distsiplinarnoy refleksii // *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik*. Issue 6. Omsk, 2010. P. 295–317.
19. Kikimbaeva A.S. Interv'yu s Marinoy Mogil'ner i Il'ey Gerasimovym 26 yanvarya 2009 goda // *Mir istorika: istoriograficheskiy ezhegodnik*. Issue 5. Omsk, 2009. P. 411–433.
20. Svoboda u istorikov poka est'. Vo vsyakom sluchae – est' ot chego bezhat'. Beseda Kirilla Kobrina s Pavlom Uvarovym // *Neprikosnovenniy zapis*. 2007. № 4. P. 54–72.
21. Repina L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv. ...*